

RU

Буддизм и платонизм в интертекстуальном поле романа В. Пелевина
«Любовь к трем цукербринам»

Марьюшкина А. П.

Аннотация. Настоящая статья посвящена осмыслению роли идей буддизма и платонизма в интертекстуальном пространстве романа В. Пелевина, учитывая, что на протяжении всего творческого пути прозаик обыгрывает элементы различных культурных, в том числе философских, систем. Цель нашей работы - определить особенности религиозно-философского контекста творчества В. Пелевина 2010-х гг. на материале романа «Любовь к трем цукербринам». В статье акцентируется внимание на интертекстуальных связях пелевинской прозы с философией Платона (в частности, его учением об идеях) и религиозными концепциями буддизма (в эклектичном сочетании различных его школ и учений). Научная новизна работы состоит в том, что впервые выявляется синтез философской мысли Запада и Востока в романе В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам». В результате исследования было установлено, что, во-первых, появление идей и образов философии Платона в «Любви к трем цукербринам» отражает смену вектора и усложнение авторской мировоззренческой системы; во-вторых, платоновские теория пещеры, идея Космоса синтезируются с буддистскими мотивами сна и пустоты и нацелены на создание Мультивселенной.

EN

Buddhism and Platonism in the Intertextual Field
of V. Pelevin's Novel "Love for Three Zuckerbrins"

Maryushkina A. P.

Abstract. The paper is devoted to understanding the role of the ideas of Buddhism and Platonism in the intertextual space of V. Pelevin's novel, given that throughout his entire writing career, the prose writer plays with elements of various cultural systems, including philosophical systems. The aim of the paper is to determine the features of the religious and philosophical context of V. Pelevin's creative work in the 2010s using the novel "Love for Three Zuckerbrins". The study focuses on the intertextual connections of Pelevin's prose with the philosophy of Plato (in particular, his doctrine of ideas) and the religious concepts of Buddhism (in an eclectic combination of its various schools and teachings). The paper is original in that it is the first to identify the synthesis of the philosophical thought of the West and the East in V. Pelevin's novel "Love for Three Zuckerbrins". As a result of the study, it has been found that, firstly, the appearance of ideas and images of Plato's philosophy in the novel "Love for Three Zuckerbrins" reflects a change in the vector and the complication of the author's worldview system; secondly, Plato's allegory of the cave, idea of the Cosmos are synthesised with the Buddhist motifs of sleep and emptiness and are aimed at creating the Multiverse.

Введение

Общеизвестно, что В. Пелевин не просто остается одним из наиболее востребованных и читаемых писателей современности – его творчество уже более тридцати лет привлекает внимание исследователей: если самые ранние его произведения освещались, за малым исключением (Азеева, 1999), преимущественно в литературно-критических работах (Генис, 1995; Басинский, 1996; Быков, 1996; Корнев, 1997), то с 2000-х гг. проза Пелевина становится объектом постоянных научных изысканий (Богданова, Кибальник, Сафронова, 2008; Бобылева, 2018; Любарский, 2020; Нечепуренко, 2011; 2014; Яровенко, 2009). При этом исследователи пелевинского творчества единогласны в том, что специфической особенностью поэтики писателя становится интертекстуальность (Богданова, 2004; Бобылева, 2018; Дитковская, 2002; Осьмухина, 2013; 2018; Осьмухина, Сипрова, 2017; Пасечник, 2015). В связи с этим актуальность нашей статьи обусловлена необходимостью выявления интертекстуальных связей творчества В. Пелевина с важнейшими философскими системами – буддизмом и платонизмом. Оговоримся, что несмотря на многочисленность исследований, посвященных

изучению специфики интертекстуального поля романов прозаика, ни в одном из них не осмыслен философский интертекст «Любови к трем цукербринам», что объясняется, на наш взгляд, достаточно сложной и неоднозначной проблематикой пелевинской прозы, поскольку, даже говоря о буддистских мотивах его творчества, исследователи исходят из разных определений буддизма в произведениях В. Пелевина.

В настоящей статье предполагается решение следующих задач: во-первых, выявление интертекстуальных отсылок к философии Платона и религиозным воззрениям буддизма в романе «Любовь к трем цукербринам»; во-вторых, осмысление признаков смены вектора интересов писателя от религиозных представлений Востока к западной философской мысли, в частности её истокам, представленным идеями Платона.

Материалом исследования стал роман В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» (Пелевин В. О. Любовь к трем цукербринам. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019), кроме того, в качестве контекстуальных сопоставлений привлекались и другие, близкие по времени создания, романы прозаика (Пелевин В. О. Бэтман Аполло. М.: Э, 2017а; Пелевин В. О. Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами. М.: Э, 2016а; Пелевин В. О. t. М.: Э, 2017b; Пелевин В. О. Числа. М.: Э, 2016b; Пелевин В. О. Смотритель: роман. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018).

Для осмысления коррелирующих друг с другом идей буддизма и платонизма в романе В. Пелевина в статье применяются следующие методы исследования: сравнительно-исторический, с помощью которого выявлены черты, характеризующие поздний этап творчества прозаика, метод целостного художественного анализа, давший возможность осмыслить сочетание двух планов философской мысли (восточного и западного) в соотношении с собственно авторским мировосприятием, а также роль философского контекста в построении романного мира. Кроме того, специфика работы потребовала обращения к интертекстуальному подходу, благодаря которому были выявлены философские претексты романа В. Пелевина.

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные творчеству В. Пелевина (Генис, 1995; Басинский, 1996; Быков, 1996; Корнев, 1997; Азеева, 1999; Богданова, 2004; Богданова, Кибальник, Сафронова, 2008; Бобылева, 2018; Дитковская, 2002; Любарский, 2020; Нагорная, 2009; Нечепуренко, 2011; 2014; Осьмухина, 2013; 2018; Осьмухина, Сипрова, 2017; Пасечник, 2015; Яровенко, 2009), а также труды по теории интертекстуальности (Арнольд, 1995; Ильин, 1996; Барт, 1994; 2009; Кристева, 2000).

Практическая значимость статьи заключается в возможности использования её материала, результатов и общих выводов в вузовских курсах теории литературы, спецкурсах и семинарах, посвященных пелевинскому творчеству в частности и современной отечественной прозе в целом.

Основная часть

Прежде чем осмыслить синтез буддизма и платонизма в интертекстуальном поле романа В. Пелевина, напомним, что интертекстуальность как один из ключевых приемов постмодернизма в целом и творчества В. Пелевина в частности в самом широком понимании термина «интертекстуальность» подразумевает «мозаику цитат» (Кристева, 2000), тесное сплетение того, о чем когда-то уже писалось, думалось, говорилось. В узком значении собственно интертекстуальность можно обозначить как явную или неявную отсылку на что-либо, воспринимающееся большинством потенциальных адресатов как культурный код: литературное произведение, историческое лицо, общеизвестную теорию, догму, религию, миф, фольклор, включая его современные формы, такие как сетевая поэзия, фанфики, мемы. Сюда же можно отнести самоцитацию и аллюзии на собственные ранее написанные произведения, что как раз весьма характерно для творчества В. Пелевина.

Если говорить об интертекстуальном поле романа «Любовь к трем цукербринам» (уже само заглавие которого, кстати, недвусмысленно отсылает к итальянской фьябе К. Гоцци «Любовь к трем апельсинам»), то следует отметить его ярко выраженный философский контекст. И дело не только в совмещении сразу нескольких религиозных доктрин в их сочетании с теориями квантовой физики, но и в самой направленности такого философствования. Так, в этом произведении впервые четко проявилась смена вектора авторских воззрений от Востока к Западу, что в первую очередь отразилось в тематике романа.

Как известно, начиная с самых ранних рассказов, повести «Желтая стрела», романов «Чапаев и Пустота» и «Generation P», В. Пелевин развивает тему отношений Эго и Других (Корнев, 1997) («Другие» интересуют его как категория самосознания, репрезентованная в работах З. Фрейда, К.-Г. Юнга, М. Хайдеггера и др.). Её же он продолжает и в романе «Любовь к трем цукербринам». Теперь эти «Другие», однако, проявляются в виде внутренних голосов каждого человека, которые в определенных условиях могут давать человеку команду к действию: «В уме как бы раздавалось множество гневных древних голосов, которым отвечало такое же множество раздраженных тонких голосков помоложе. Это случалось независимо от духовной силы отдельно взятой личности и от весомости личного “право имею” – собранный в душе культурный организм неизбежно вступал в диспут сам с собой (что хорошо показывала, например, история Родиона Раскольникова)» (Пелевин, 2019, с. 21-22). Такое явление в романе Пелевина обозначено словом «глагол» и является одной из аллюзий на хрестоматийно известное «глаголом жги сердца людей» (Пелевин, 2019, с. 35) из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк». Герои его романов боролись с судьбой, пытаясь избавиться от «конечности человеческого существования» – первично-данного информационного слоя, образующегося под влиянием окружения человека (кстати, «ложные идолы», по буддистским верованиям, – наваждение Майи, скрывающее от людей свет Истины). Экзистенциалисты отвергали эти «идолы» и навязанное обществом видение мира, порождающее Внутреннего Другого, однако считали, что Внутренний Другой способен полностью вытеснить личность, а потому при исчезновении Другого исчезнет и сам человек.

Буддистские верования давали выход – обретения себя – путем изгнания Других: «распустить Думу» в “t”, избавиться от внутренних судей, осужденного и адвокатов в «Чапаеве и Пустоте», пройти три сущности бытия (Страдание, Безличие, Непостоянство) в «Тайных видах на гору Фудзи» и др.

Религиозное понятие пустоты отличается от философского: оно предполагает наличие высшего существа, поэтому пустота предстаёт здесь свободным сознанием для восприятия веры, в то время как философское понимание пустоты предполагает безвременное и беспространственное небытие, обладающее неким высшим разумом (Логосом, Мировым Умом), что определил судьбы миров ещё при сингулярности.

Как эклектик В. Пелевин и до, и после перехода к иному философско-религиозному вектору в своих романах складывает в сугубо авторской концепции различные философские, религиозные, мифологические и научные теории, обыгрывая их в разных соотношениях. Так, до середины 2000-х гг. в его текстах преобладали учения Махаяны и Ваджраяны (Нагорная, 2009), в связи с чем у исследователей сложилось мнение о дзен-буддистской направленности пелевинской идеологии (Нечепуренко, 2011; 2014), однако уже тогда у писателя были определенные попытки обращения к эллинистической и экзистенциальной философии (в первую очередь это воплотилось в романах «Жизнь насекомых» и «Числа»). Говоря об эллинистической философии, мы в большей степени подразумеваем учение стоиков и Платона (теория пещеры неоднократно встречается в произведениях Пелевина на разных этапах творческого пути).

Часть романного действия «Любви к трем цукербринам» происходит в месте, которое один из второстепенных персонажей – философ Рудольф Сергеевич – назвал *платоновским Космосом*. Через этот Космос происходит сближение нашего мира и других миров Мультивселенной, в которой и обитает Великий Ум, Логос, Бог, или Великий Вепрь, карикатурно изображенный здесь как зеленый вепрь из “Angry Birds”. Сам Рудольф Сергеевич объясняет видение божества в таком нелепом образе воздействием отпечатков профанного мира. Во время воздействия птиц на его разум философ открывает завесу платоновского Космоса и видит горящую inferнальным светом перевернутую восьмерку бесконечности, и ему открывается истина. Бог – бессмертен, потому что всё время, пока он создает миры и населяющих его существ, порожденные им сущности – люди – создают его самого: «Как луч фонаря становится виден лишь тогда, когда попадает на освещаемый предмет, так же и мое сознание, то есть я сам, возникает только вместе с осознаваемыми объектами – и исчезает вместе с последним из них» (Пелевин, 2019, с. 100). Птицы – первые божьи создания, равные по силам ангелам, которые, чтобы обрести истинно божественное могущество, пожелали не быть: в этой «восьмерке» они олицетворяли силу небытия в божественном «Инь-Ян», равно как драконы в «Лампе Мафусаила» (Пелевин, 2016а) или противоположные числа в «Числах» (Пелевин, 2016б). Для того чтобы прервать существование и отомстить им, необходимо было убить Бога, но единственным способом воздействовать на него были его же творения. Перебрав множество существ, они остановили свое внимание на людях. Они заменили одним из них себя в божественном «Инь-Ян», после чего заставили его покончить с собой, прыгнув с балкона. Таким замысловатым способом птицы надеялись, наконец, настичь Бога («Он дотянулся до Вепря, скрывшегося в платоновском космосе, и набросил на него сеть из безупречных силлогизмов» (Пелевин, 2019, с. 106)), однако всё было тщетно. Рубен Сергеевич понял почему, ещё до того, как провал стал очевиден: не важно, сколько «снарядов» (то есть отобранных птицами людей) будет запущено в Бога и уничтожено – он не умрет, пока останется хоть один человек, который будет думать о смысле и причине своего существования, верить в Силы, создавшие мир.

Платонизм воззрений В. Пелевина заключается в общности теории идей: по ней всё, что нас окружает, как и мы сами, – лишь тень, отбрасываемая по воле Божественного Света (буддисты называли его Ясным Светом, Истиной и Абсолютом, философы древности – Логосом и Великим Разумом), что уже было намечено прозаиком в “t”: «Но этот ум – вовсе не какая-то личность. Это как бы невидимый свет, в котором программы становятся видны... самому акту видения. Пока люди живы, они принимают этот свет за себя и думают, что они есть» (Пелевин, 2017б, с. 388). В «Любви к трем цукербринам» идея созвучна: «Мало того, Бог не только шутник, он и сам шутка. Ибо в реальности – не той, что светится в этом черном планетарии над нашими головами, а в настоящей, по отношению к которой весь видимый мир есть лишь зыбкая тень, пузырится огромное число возникающих и исчезающих миров, и у каждого есть свой Бог, и над каждым поднят черный балдахин своего космоса с удивительной древней вышивкой, и среди этих вышивок нет двух одинаковых» (Пелевин, 2019, с. 42). Относительно человека и его души в “Batman Apollo” Пелевин (2017а) писал: «...сколько бы ни было в стеклах витражей, источник света за ними один. Человек, друзья мои, и есть такой витраж. Вернее, это лучи света, которые проходят сквозь него, окрашиваясь в разные цвета. Лучи способны воспринимать только себя. Они не замечают стекол. Они видят лишь цвет, который они приобрели. Понимаете? Человек – это просто сложная цветовая гамма, в которую окрасился пучок света, проходя через замысловатую комбинацию цветных стекол. <...> Просто свет на время верит, что стал витражом. А человеческая наука со своими томографами пытается объяснить этому свету, как он зарождается в витраже, через который проходит» (с. 89). То же читаем в «Любви к трем цукербринам»: «Фаза в колебании множества мелких сущностей, когда-то составлявших Кешу прежнего – а теперь Кешу нового <...>. Не какая-то Кешина сердцевина, хранящаяся во времени (её нет), а, наоборот, новая комбинация света, тени и отражений, когда-то создававших иллюзию такой сердцевины – и склеившихся в новую обманку» (Пелевин, 2019, с. 344).

Сам Киклоп, являющийся одновременно авторской маской писателя, представляет собой трансцендентное существо, сочетающее в себе черты греческой, шумеро-аккадской и египетской мифологий (такой вывод можно сделать из атрибутов Свиты и способа общения с ним). Более того, согласно романному мифу, Киклопы существовали в разные времена во многих культурах (например, Киклопом был известный из “t” Чжуан-Цзы, который не знал: Чжуан-Цзы ли он, что видит во сне себя бочкой, или бабочка, которой снится, что она Чжуан-Цзы; циклоп Полифем из мифов об Одиссее и некоторые пророки разных религиозных конфессий).

Свои впечатления после становления новым существом протагонист описывает через литературную аллюзию на уже упомянутое нами стихотворение А. Пушкина «Пророк»: герой почувствовал, что кто-то невидимый касается его «зениц» и ушей, после чего он больше не мог перестать слышать и видеть то, что ему открылось при внедрении в мир идей (Пелевин, 2019, с. 35-36).

Сон как метафора человеческой жизни встречается практически во всех романах В. Пелевина (достаточно вспомнить «Чапаева и Пустоту», «Generation P», «t» и др.), однако здесь, равно как и в диалогии о вампирах, она проявляет себя гораздо чаще и явственней. Например, при размышлениях Рудольфа Сергеевича о том, почему при всей благодати Бога в созданном им мире столько жестокости и несправедливости, – и сам же отвечает: потому что этот мир – его кошмар. Кошмар, от которого нельзя проснуться или изменить его. Кошмару монаха Кампанеллы, придумавшего город Солнца (Пелевин, 2019, с. 156), уподобляли вэлфер-кластеры – ячейки, в которых по антиутопическим представлениям писателя могут жить люди будущего. Оттуда нельзя сбежать, нельзя сопротивляться (нельзя, потому что нет того, куда можно убежать, и того, с чем можно бороться: как заметил один из романских персонажей Бату Караев, даже эмбрионы будущих людей уже растут на крючках системы), враг живет в человеческих умах, управляя за них их снами и желаниями. В результате Ке (от лица которого ведется четвертая часть романа), даже узнав правду, остается рабом системы и умирает в коллективном сне, не сумев проснуться.

Подвешенные в тесном пространстве, которое сам обитатель кластера Ке сравнивал со склепом, люди всё же задумывались о заговорах – ещё одно проявление авторской иронии «на грани стеба» (Корнев, 1997). В «матрице», куда перенеслась остаточная секвенция Кеши, было всё для занятия «конспирологией» – приложение Анонимус, которое совершенно безопасно для системы бросает самые громкие и, казалось бы, обличительные фразы, продвинутая поисковая система, выдающая информацию любого идеологического и исторического плана, свобода действий. Однако никому из жителей фейстоба это не нужно, они не верят системе, знают, что не могут ей противостоять ни морально, ни физически, однако сохраняют уверенность, что у них есть свобода жизненного выбора, убеждая себя, что на всё неприятное и нежелательное можно просто закрыть глаза: «Разве, как говорила Ксю Баба, цветок смотрит на свои корни? Он следит за солнцем. Солнце у нас, понятно, это три цукербрина. <...> Сравнение было точным – корень растения прекрасно чувствовал себя в подземной тьме, и биологическое тело Кеши точно так же не нуждалось во внимании» (Пелевин, 2019, с. 195). Справедливости ради заметим, что эта метафора, касающаяся цветов, перешла и в роман «Смотритель», в котором Алекс сравнивал людей с цветами Райского сада (Пелевин, 2018).

Очевидно, что в одной из параллельных реальностей будущего человечества (одного из «аттракторов») сбывается предсмертное предсказание Даши (она была «орудием» птиц, которое было запущено с Креста Безголовых (выполняющего роль рогатки из игры), и убита в традиции кровавых романов Юкио Мисимы (снова литературная аллюзия)): «Придет день, когда Птицы перенесут реальность в свои квантовые вычислители: они будут взламывать последнюю небесную дверь, перебирая варианты шифра, а варианты шифра станут принимать это за свое существование – и будут верить, что вокруг лица, смех, цветы и деревья, закаты и рассветы, галактики и туманности. И хоть по-прежнему будет казаться, будто людей бесконечно много, а их судьбы сильно различаются, на деле всё сведется к работе титанической программы, подбирающей живой код к божественному замку. И каждая версия кода станет думать, что она расцветает в лучах глядящего на нее солнца... Правда, солнц там почему-то будет целых три... Три фальшивых солнца. И это главное, самое страшное и окончательное оружие Птиц» (Пелевин, 2019, с. 95).

Подобная эволюция как расширение творческого горизонта и усложнение авторского осмысления реальности, на наш взгляд, «высвечивается» как раз благодаря расширению интертекстуального поля, где сосуществуют и синтезируются различные культурные пласты. Более того, каждый новый роман прозаика являет в себе ремейк или дополнение позиций, заложенных в романе предыдущем (повторяющиеся структуры правомерно рассматривать как фракталы), что позволяет говорить о продуктивности интертекстуального подхода с позиций фрактальной поэтики.

Заключение

В заключение обозначим основные выводы нашего исследования. Тема буддизма и его представлений о трансцендентных мирах является общей для всех романов В. Пелевина, однако следует учитывать, что соотношение идей различных учений в них не однородно. Как эклектик В. Пелевин не стремится в своих произведениях доказать превосходство какого-либо одного направления религиозно-философской мысли, но объединяет всё то, что, согласно его собственному мировосприятию, является наиболее близким к истине. Таким образом, в зависимости от изменений авторского критерия «истинности» и утилитарных интересов прозаика меняются и вектор философских идей, лежащих в основе повествования, и картина мира, воплощенная в прозе В. Пелевина. Так, если до середины 2010-х гг. в пелевинских текстах буддизм хотя и сочетался с мотивами античной философии, но всё-таки оставался преобладающим «претекстом», то в романах 2010-х гг. доминирующее положение всё более отводится платоновской философской мысли (теория пещеры, идея Космоса), что наиболее ярко отразилось в романе «Любовь к трем цукербринам». Синтез платоновских и буддистских (сон, пустота) мотивов, во-первых, создает особое интертекстуальное поле, маркирующее смену вектора мировоззренческих интересов прозаика от восточной к западной философии; во-вторых, выполняет несколько функций: *экспрессивную*, выражающуюся в отборе цитат и характере аллюзий; *апеллятивную*, проявляющуюся в ориентации на способного опознать подобный синтез адресата; *метатекстовую*, вызывающую в памяти аналогичные вкрапления в предыдущих романах.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нами в более детальном анализе философского контекста романного творчества В. Пелевина 2010-х гг., а также в рассмотрении эволюции тематического плана и философско-мировоззренческого контекста в романах последнего десятилетия («Непобедимое солнце», «Transhumanism Inc.», «KGBT+»).

Источники | References

1. Азеева И. В. Игровой дискурс русской культуры конца XX века: Саша Соколов, Виктор Пелевин: дисс. ... к. культ. Ярославль, 1999.
2. Арнольд И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста): лекции к спецкурсу. СПб.: Образование, 1995.
3. Барт Р. S/Z / пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат; общ. ред. и вступит. ст. Г. К. Косикова. Изд-е 3-е. М.: Академический Проект, 2009.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
5. Басинский П. Из жизни отечественных кактусов. 1996. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-dva/1.html>
6. Бобылева А. Л. Антиутопия как метажанр в прозе Виктора Пелевина: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2018.
7. Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60-90-е годы XX века - начало XXI века): дисс. ... д. филол. н. СПб., 2004.
8. Богданова О., Кибальник С., Сафронова Л. Литературные стратегии Виктора Пелевина. СПб.: Петрополис, 2008.
9. Быков Д. Побег в Монголию // Литературная газета. 1996. 29 мая.
10. Генис А. Границы и метаморфозы: Виктор Пелевин в контексте постсоветской литературы // Знамя. 1995. № 2.
11. Дитковская И. Ю. Интертекстуальность прозы В. Пелевина: дисс. ... к. филол. н. Днепропетровск, 2002.
12. Ильин И. И. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: энциклопедический справочник. М.: Интрада-ИНИОН, 1996.
13. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной авантюре Виктора Пелевина // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. URL: http://kornev.chat.ru/pelev_s.htm
14. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступит. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000.
15. Любарский Р. В. Концепции К. Кастанеды в русской рок-поэзии и постмодернистских романах В. Пелевина и М. Фрая конца XX - начала XXI века: дисс. ... к. филол. н. Брянск, 2020.
16. Нагорная Н. А. Осмысление идей буддизма в прозе В. О. Пелевина // Буддизм Ваджраяны в России: история и современность: сб. докл. междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 20-21 октября 2008 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2009.
17. Нечепуренко Д. В. В. О. Пелевин. Традиции и новаторство // Челябинский гуманитарий. 2014. № 1 (26).
18. Нечепуренко Д. В. О философских предпосылках и цели творчества В. О. Пелевина // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 11 (226).
19. Осьмухина О. Ю. Мифопоэтическое пространство отечественного романа рубежа XX-XIX вв. (на материале прозы В. Пелевина и Д. Липскерова) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4.
20. Осьмухина О. Ю. Своеобразие интерпретации образов животных в романе В. Пелевина «Числа» // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3.
21. Осьмухина О. Ю., Сипрова А. А. Мифопоэтический контекст романа В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2 (77).
22. Пасечник В. В. Гностическая мифопоэтика. Роман В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» // Вопросы литературы. 2015. № 6.
23. Яровенко С. А. Виктор Пелевин: мифопоэтика как мифодизайн // Культура и этика нового мира: коллективная монография / отв. ред. Ю. Н. Москвич. Красноярск: Литера-принт, 2009. Вып. 6.

Информация об авторах | Author information

Марьюшкина Анастасия Павловна¹

¹ Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Maryushkina Anastasia Pavlovna¹

¹ N. P. Ogarev Mordovian State University, Saransk

¹ sivis_amary@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.12.2022; опубликовано (published): 31.01.2023.

Ключевые слова (keywords): В. Пелевин; современная русская проза; интертекстуальность; платонизм; буддистские мотивы; V. Pelevin; modern Russian prose; intertextuality; Platonism; Buddhist motifs.